

(Не)желанная дочь, или

Я ИДУ ИСКАТЬ

АЛЕКСА ГРАНД

Алекса Гранд
(Не)желанная дочь,
или Я иду искать
Серия «Безумные», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69575608
SelfPub; 2023*

Аннотация

– Лиля, скажи честно. Варя – моя дочь?– Нет. Варя – моя дочь.– А если я сделаю тест на отцовство?– Это ничего не изменит, Крестовский. Ни-че-го.От рубленых фраз, брошенных холодным тоном, становится тесно в груди. Хочется вцепиться в стоящую рядом девчонку и заставить ее говорить, сдавив пальцами тонкую шею.Но я держусь. Молча наблюдаю, как Лиля разворачивается на каблуках и устремляется вдаль по коридору, спасаясь от меня бегством. Гордо чеканит шаг и вряд ли понимает, что я все равно выцарапаю из нее правду. Чего бы мне это ни стоило...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	36
Глава 6	44
Глава 7	51
Глава 8	62
Глава 9	70
Глава 10	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Алекса Гранд (Не)желанная дочь, или Я иду искать

Глава 1

Игнат

– Лиль, все готово?

Окинув пристальным взглядом помещение автосалона, я цепляю стоящую рядом со мной девушку за запястье. Мазнув большим пальцем по фарфоровой коже, вынуждаю Лилю резко вскинуть подбородок и отвлекусь от серебристого компактного планшета на какое-то время.

Ненадолго вязну в океанах льдисто-серых глаз и тут же вынырываю, морщась. От того, что озвученный подчеркнуто сухим тоном ответ неприятно царапает по натянутым нервам.

– Все в порядке. Я проверила, Игнат Дмитриевич.

С железобетонным спокойствием сообщает моя собеседница и даже не подозревает о том, как сильно меня бесит.

Пусть между нами маячит сотня ссор, едва не разрушив-

шее нас обоих до основания расставание и Лилин брак, но я ведь ее когда-то во всех позах... без клочка ткани на грациозном теле... пока ноги не переставали держать. А она меня по отчеству называет.

Скрипнув зубами, я планомерно выметаю из воспаленных мозгов совершенно не нужные сейчас ассоциации и стараюсь сконцентрироваться на насущном. По десятому кругу проверяю список гостей, убеждаясь, что ни одна «важная» фамилия не пропущена, придирчиво пробую пузырящееся в бокале шампанское и не нахожу в благородном напитке ни единого изъяна.

Хоть еще несколько недель назад и сам был не против того, чтобы открытие салона с треском провалилось. Даже ценой моей репутации и вложенных средств. Потому что владелицей агентства по организации мероприятий, с которым мне посчастливилось заключить договор, оказалась прокрутившая мое сердце через мясорубку бывшая.

Вот такая гребанная ирония судьбы. Да.

– Сергеевы улетели в командировку в Нижний, но прислали поздравительное письмо. Остапенко попал с воспалением легких в больницу. Терентьев...

И, пока я самозабвенно купаюсь в нахлынувшей рефлексии, Лиля с удвоенным усердием перечисляет имена партнеров, которые не смогли по каким-то причинам явиться. Попутно вносит в сценарий какие-то корректировки и вряд ли допускает, что я едва улавливаю транслируемую ей инфор-

мацию, отчетливо фиксируя только движение тронутых бежевой помадой пухлых губ и в десятый раз за несчастные пять минут думая совсем не о том.

– Достаточно, Лиль. Я понял, что ты подошла ко всему с должной мерой ответственности.

Я не слишком вежливо перебиваю девчонку на полуслове и по старой привычке безошибочно считываю тщательно замаскированное разочарование от того, что ее не слушал.

Пожимаю плечами. Не извиняюсь. Восстанавливаю покореженные щиты и дистанцируюсь до того, как былые обиды восстанут из склепа, где я их похоронил, и погребут нас с Лилей под многотонным слоем радиоактивного пепла.

– Здравствуй, Игнат. Мои поздравления.

– Крутое место. Ни пуха, ни пера, брат.

Бесцельно изучать столик с беспроигрышной лотереей мне мешают недавно сыгравшие свадьбу Зимины. От сияющей, словно бесценный бриллиант, Сашки и бережно обнимающего ее за талию Матвея веет таким безумным, буйным счастьем, что я невольно заражаюсь их оптимизмом. Беспечно перекатываюсь с пятки на носок и обратно и не испытываю раздражения от поднятой Александрой темы.

– Бывшая?

– Лиля. Да.

Утвердительно кивнув, я в который раз за вечер прилеиваюсь к хрупкой фигурке, спящей между автомобилями. Отдаю должное короткому платью-пиджаку антрацитового

цвета. Не оставляю без внимания идеально ровные золотистые волосы длиной до поясницы. И отстраненно отмечаю, что безупречный дымчатый макияж выгодно оттеняет Лилины серо-стальные глаза.

И, если в эту секунду я искренне ей восхищаюсь, то уже в следующую я хочу ее жестоко убить.

– Развлекайтесь, Зимины.

Наспех пожав руку Матвею и легонько щелкнув Сашку по носу, я оставляю друзей позади и ныряю в пеструю, разряженную по последней моде толпу. Уверенно прокладываю себе дорогу, минуя сливающихся в разноцветное пятно людей, нависаю над охнувшей Лилей, впечатывая ее в кузов ярко-красного кроссовера, и со злобой выталкиваю из себя.

– Коваль, да ты издеваешься?!

– Аристова.

Совершенно не подходящая бывшей фамилия врезается наточенным шилом в барабанные перепонки. дезориентирует на некоторое время. Размывает фокус. Превращает окружающие предметы в нелепый блюр. Заставляет сердечную мышцу лихорадочно колотиться за грудиной. Так, что на некоторое время я даже забываю, что в нескольких метрах от нас самодовольно скалится мой личный враг и конкурент Алексей, мать его, Бекетов.

– Ты чего психуешь, Игнат? Что я не так сделала?

– Алексей. Бекетов. На открытии моего салона. Какого хрена, а, Лиль?! Он у меня несколько тендеров увел. С зака-

зами постоянно гадит.

Выщеживаю из себя клокочущим шепотом, а сам курсирую пристальным взглядом по растерянному лицу Аристовой. Выискиваю малейшие признаки притворства и фальши, но ровным счетом ничего не нахожу.

– Не было такой фамилии в списке.

Протиснув между нашими телами взявшийся из ниоткуда планшет, Лиля остервенело тапает подушечками пальцев по светящемуся голубым экрану, несколько раз перечитывает список и, сдавшись, тянет гаджет мне.

– Сам посмотри.

Застываю, когда наши ладони случайно соприкасаются. Кое-как переживаю убийственный электрический разряд и теперь уже сам торопливо штудирую электронный документ, чтобы убедиться в том, что залившаяся горячечным румянцем девчонка не врет.

– Миронова плюс один. Ты не могла знать. Его то ли троюродная, то ли четвероюродная тетка. И я не учел...

Вернув Аристовой гаджет, я неуклюже перед ней оправдываюсь, желая отмотать события назад и затушить вспышку гнева раньше, чем она возьмет верх над моим разумным началом. Рефлекторно тянусь к упавшей Лиле на нос пряди волос, да так и замираю на полпути, потому что к нам подбегает девчужка лет четырех-пяти и доверчиво прижимается к моей собеседнице.

– Мамочка, я хочу пить.

Брошенное детским звонким голосом «мамочка» стопорит все процессы в организме. У Аристовой из пальцев выскальзывает планшет и с характерным хрустом приземляется на плитку. Следом за ним летит мой телефон, издав подобный предсмертный хрип. А мне кажется, что внутри с треском ломаются кости, как будто я только что пропустил мощнейший по силе, подобный тайфуну удар.

Если бы Лиля тогда не сделала аборт, это нашей с ней дочери могло быть четыре года.

Глава 2

Игнат

– Коваль!

– Аристова!

Снова обмениваемся обоюдоострыми подачами и ненадолго затихаем. Мысленно вываливаем друг на друга шквал претензий, кромсаем не восстановившуюся до конца нервную систему, выкручиваем друг другу суставы до характерного хруста. Но для публики выглядим более, чем профессионально с приросшими к физиономиям фальшивыми масками.

– Сейчас, солнышко. Найдем тетю Катю, и она для нас достанет все, что захочешь. Воду, сок, лимонад. Хорошо?

Отгородившись от меня, Лиля бережно берет дочку за руку, а я только сейчас осознаю, насколько сильно они похожи, как будто талантливый художник кропотливо писал с оригинала не менее завораживающую копию.

Те же гладкие светло-русые волосы. Аккуратный чуть вздернутый нос. Пушистые ресницы. Глаза цвета хмурого неба. И алые губы сердечком. Даже осанка эта горделивая – одна на двоих.

До конца не переварив обрушившиеся на меня, подобно

снежной лавине, вводные, я методично растираю грудь, где селится невыносимый стылый холод. Затем оттягиваю воротник душащей меня футболки и теперь уже сам озираюсь в поисках какого-нибудь напитка.

– Держи.

Странно, но стакан с безалкогольным мохито мне в ладонь впихивает саркастично ухмыляющийся Бекетов. С зачесанными назад темно-каштановыми волосами, выразительными карими глазами и небольшими полными губами он очень напоминает Джонни Деппа в молодости. Для полного сходства не хватает только татуировки индейца на правом предплечье.

– Красивая. И специалист неплохой. Я навел справки.

Бросив вслед затерявшейся в толпе Аристовой, собеседник всем корпусом поворачивается ко мне и вздергивает большой палец вверх. Прощупывает на прочность, начинающую проседать под его ногами, почву, ходит по тонкой грани моего отсутствующего терпения, упивается негативной реакцией, которую я не могу скрыть.

– Мне на хрена-то эта инфа?

– Чтобы имел в виду, что я собираюсь переманить Лилию Романовну к себе.

Я прекрасно осведомлен о том, что штат у Алексея укомплектован высококлассными профи, и все равно скриплю зубами. Не помню, с чего именно началось наше противостояние, но стремление подгадить друг другу и увести из-под

носа самое ценное давно укоренилось где-то на уровне инстинктов.

– Слушай, Бекет, шел бы ты отсюда подобру-поздорову...

– Боюсь, что вынужден тебе отказать, Крест. Тетушка сильно расстроится, если я лишу ее своей компании.

Панибратски хлопнув меня по плечу, Бекетов шутливо раскланивается и вальяжно направляется к активно жестикулирующей родственнице. Правда, я больше не слежу за его перемещениями, потому что в этот момент на мою орбиту возвращается Лиля и заполняет собой все пространство.

– Знаешь, Крестовский, ты можешь сколько угодно орать на меня в своем кабинете за закрытыми дверями, только не смей больше повышать голос в присутствии моей дочери.

Подавшись вперед и уничтожив пятнадцать разделявших нас сантиметров, моя визави безотчетно комкает болтающуюся на мне футболку. Расстреливает в мою персону несколько магазинов воображаемого АК-47, дышит прерывисто и наверняка готовится к затяжному сражению. Я же до ломоты в висках не хочу с ней воевать.

– Извини, Аристова. Я виноват. Иди спокойно работай, больше мешать не буду.

С третьей попытки я все-таки выговариваю ее новую фамилию правильно и претворяю в жизнь данное обещание. Особо не отсвечиваю до конца вечера, предпочитая оставаться в тени, не озвучиваю ни единой ремарки насчет организации и сдержанно благодарю Лилю с помощницей, когда

гости разъезжаются по домам.

– Вас подвезти?

– Не нужно. Я на машине.

Отдав дань ненужной вежливости, я трамбуясь в сверкающий новенькими дисками «Мерс» и набалтываю музыку на максимум так, что дребезжат стекла. Все, лишь бы не крутить в башке фразы из горящих потаенной тоской диалогов.

Прошлое должно оставаться в прошлом. Не стоит его ворошить.

Несколько раз повторяю эту простую мантру и не замечаю, как оказываюсь на территории элитного жилого комплекса с огромной спортивной площадкой и вылизанными до блеска дорожками, за содержание которых я каждый месяц отстегиваю немаленькие суммы.

Неразборчиво буркаю под нос что-то отдаленно напоминающее приветствие, торопливо проскакиваю мимо пожилого консьержа и вместе с до безобразия счастливой девушкой в джинсовом комбинезоне поднимаюсь на двадцатый этаж. Дважды поворачиваю ключ в замке и стопорюсь в коридоре, не ожидая, что включится свет и яркой вспышкой резанет по глазам.

– Ты долго.

– Привет.

Прислонившись к дверному косяку, я со свистом выпускаю воздух из легких и не торопясь расшнуровываю найки. Я так глубоко закопался в подготовку к открытию салона и

сыпавшиеся, как из рога изобилия, форс-мажоры, что забыл обо всем. Например, о разгуливающей по моей квартире в бежевом шелковом топе и таких же шортах девчонке.

С Викторией Левиной нас познакомили родители на чьем-то дне рождения, год назад наши прогулки плавно переросли в отношения, в прошлом месяце у нее появился собственный комплект ключей от моей берлоги, и сейчас все медленно, но верно идет к помолвке.

– Устал?

– Ага.

Мотнув головой, я отлипаю от опоры и, как и положено заботливому парню, сгребаю Вику в охапку и нежно ее целую. Правда, делаю это без особого энтузиазма, потому что конечности ощущаются свинцовыми, а апатия густым потоком гуляет по телу. Но зарывающаяся носом в мою футболку девушка вроде бы ничего не замечает, ласково скользя пальцами по моим предплечьям.

– Я скучала.

Мягко мурчит она, спускаясь ниже и выводя плавные узоры на моих кистях, так что мне не остается ничего другого, как мазнуть губами по ее макушке и выдохнуть блеклое «я тоже». А потом мы перемещаемся на кухню, которая благодаря стараниям моей пассии стала куда как уютнее, кипятим воду и пьем мятный чай с присыпанными сахарной крошкой печеньками-крендельками.

– Как все прошло?

Хлопая длинными ресницами, спрашивает Вика и старается выглядеть отрешенно-спокойной. Не получается. Выдаст слегка подрагивающая нижняя губа и любопытный блеск в карамельно-карих глазах.

– Нормально.

Роняю односложно, размеренно цежу остывающий напиток и невольно сравниваю Левину с Аристовой, убеждаясь, что сидящая напротив девушка – полная противоположность моей бывшей. Не слишком длинные темно-каштановые волосы с медным отливом, аппетитные пухлые щеки, озорная ямочка, округлые соблазнительные формы.

Ни единой похожей черты.

– За исключением того, что приперся Бекетов, все было гладко.

– А он что хотел?

– Позлорадствовать, наверное.

Опустив детали о стычке с Лилей, я скомкано завершаю свой куцый рассказ и поднимаюсь из-за стола, сгружая чашки с блюдцами в раковину. После чего подтаскиваю Вику к себе и стараюсь стереть мелькающие в воображении чересчур яркие картинки. Со знанием дела сминаю струящуюся тонкую ткань пеньюара, устраиваю ладони на девичей поясице и затыкаю приоткрытый рот голодным горячечным поцелуем.

Отпускает. Оттесняет ненужные эмоции на задний план. Возвращает утраченный по ряду причин баланс. Вносит та-

кую необходимую сейчас гармонию.

– Пойдем спать, Ви.

Спустя несколько минут я отрываюсь от Левиной и отчаянно мечтаю о здоровом двенадцатичасовом сне. Наспех извлекаюсь от одежды, швыряя ее прямо на пол, и распластываюсь на кровати, пока Вика устраивается калачиком у меня под боком. Не провоцирует на близость, устав после четырех пар и занятий пилатесом, и вскоре уже блаженно сопит, пока я продолжаю протирать взглядом дыру на потолке.

Пару раз едва не вписавшись в бетонные опоры моста и трижды за малым не вылетев в отбойник, я давно разложил для себя все по полкам. Решил, что достаточно накопился на эмоциональных качелях, в хлам задолбался от захватывающих дух американских горок и больше не хочу прыгать в бездну неизвестности без страховки.

Только выжечь засевшую на подкорке мысль все равно не удастся.

Если бы Лиля тогда не сделала аборт, эта сероглазая девочка могла быть моей дочерью...

Глава 3

Лиля

– Милый, мы дома.

Я негромко роняю, стоит нам с Варей только переступить через порог, и запоздало понимаю, что роскошный видовой пентхаус с просторной гостиной, огромной спальней, не маленькой кухней, детской и гостевой совершенно пуст.

подавив легкий вздох разочарования, я звонко щелкаю выключателем и жмурюсь от мягкого света, заливающего коридор. Неторопливо разуваюсь и безотчетным жестом взъерошиваю светлые волосы дочери.

– Проголодалась, Варюш? Кушать будем?

– Не-е-е. Меня тетя Катя накормила.

Смешно тянет моя вполне самостоятельная кроха и устремляется в свою комнату, где ее ждут раскраска, набор разноцветных фломастеров и разложенный на столе пазл.

– А руки вымыть?

Перехватив дочку на полпути, я в тысячный раз думаю, как сильно мне с ней повезло. Варвара практически никогда не капризничает, послушно пьет лекарства, когда болеет, и с энтузиазмом находит занятие себе по душе.

– Вот так гораздо лучше.

– А теперь можно порисовать?

– Конечно, можно.

Промокнув ладони полотенцем, я недолго вслушиваюсь в радостный Варин топот, после чего меняю пропахшее иномодными запахами платье на свободную бирюзовую футболку с черными шортами-парашютами. Закалываю волосы в аккуратный тугой пучок и перемещаюсь на кухню, выживая из холодильника кусок свежей телятины, картофель и лук.

Не то чтобы Сергей плохо относился к ресторанной еде и что-то имел против доставки, но сейчас мне отчаянно хочется занять руки, чтобы ни о чем не думать. Только непрошенные воспоминания трехнедельной давности все равно накатывают беспокойной волной.

– Кать, двойной американо мне сделай.

– Четвертый подряд?

Осуждающе хмыкнув, переспрашивает моя верная помощница, на что я предупредительно вскидываю указательный палец вверх, пресекая возможную лекцию о негативном влиянии кофеина на цвет лица, нервную систему и психическое здоровье.

Откидываюсь на спинку мягкого кожаного кресла и делаю вид, что проверяю почту. Хотя на самом деле тупо щелкаю мышкой по вкладкам, пытаюсь обрести душевное равновесие перед важной встречей.

Я прекрасно знаю, кто войдет ко мне в кабинет через ка-

ких-то пять минут. Знаю и все равно вздрагиваю, стоит мерному стуку раздробить тишину, и литым плечам показаться в дверном проеме.

– Здравствуй, Лиля.

Зацепив солнцезащитные очки за край белоснежной футболки, Игнат прожигает меня взглядом насквозь, отчего я невольно поджимаю пальцы ног и задерживаю дыхание, считая до двадцати и обратно. С металлическим звяканьем я катаю ручку по столу и не могу перестать рассматривать застывшего напротив молодого мужчину.

Поджарый, жилистый, с выпуклыми венами на мускулистых руках, он по-прежнему являет собой воплощение смертельной опасности и броской красоты в одном флаконе. Так же сосредоточенно морщит лоб, как будто в уме разыгрывает шахматную партию, так же криво ухмыляется, ненадолго обнажая идеальные зубы, и так же вольготно хозяйничает в чужом офисе, без зазрения совести реквизируя причитавшуюся мне порцию кофе.

Ни капли не изменившийся внешне, Крестовский теперь серьезный бизнесмен. Он умело управляет с капиталами семьи, не разъезжает по курортам каждые два месяца и больше не выгорает под палящим знойным солнцем.

– Не ожидал снова встретить тебя в Москве.

– Так сложились обстоятельства.

Зябко поведя плечами, я отвечаю туманно и не горю желанием рассказывать о том, что дочка часто простыва-

ла и мучилась насморком, так что врачи посоветовали сменить скверный питерский климат на любой другой. И я бы с удовольствием переехала куда-нибудь ближе к морю, но Сергей предпочел после северной столицы покорять Белокаменную.

Подвинув к себе графин с водой, я промачиваю горло и резко меняю тему, утрясая оставшиеся формальности. Ставлю аккуратную подпись в углу каждой страницы и передаю листы Игнату, преждевременно расслабляясь.

– Раз мы во всем определились, я приглашу Диану. Она будет курировать твой проект...

– Нет.

В низком с хрипотцой голосе Крестовского отчетливо проступает дамасская сталь, а в серо-голубых омутах бушует шторм, природу которого я не могу распознать. Так что просто замолкаю на полуслове и терпеливо выжидая, пока собеседник сделает свой ход.

– Мое мероприятие будешь сопровождать ты. Без вариантов.

На кону стоит крупная сумма, да и мы только начинаем обживать в Москве, так что упустить такой заказ будет преступлением. Поэтому я гулко сглатываю, выцарапываю из себя глухое «хорошо» и обессиленно прикрываю веки, раздавленная напором Креста.

Шах и мат, Аристова. Шах и мат.

Тряхнув головой, я выпутываюсь из липкой паутины вос-

поминаний и стараюсь сосредоточиться на готовке. Рублю мясо на одинаковые квадратные куски, нарезаю картофель кубиками и укладываю это все в небольшие глиняные горшочки, добавляя туда лук, специи и сметану со сливками.

Запахнув наш будущий ужин в духовку, я с особым тщанием перемываю посуду, перетираю ее до мерзкого идеального блеска и только после этого выдыхаю с некоторым облегчением.

– Привет, Сереж. Ты скоро?

Обычно я не звоню мужу и не заваливаю его глупыми вопросами, вроде «в каком ресторане ты обедаешь с партнерами», «не хочешь сегодня освободиться пораньше и сходить в кино» или «может, возьмешь на завтра отгул». Но сегодня в моей груди отчего-то разбилась огромная ледяная глыба, выморозила все изнутри, и мне срочно нужен кто-то, кто способен меня отогреть.

– Через сорок минут? Замечательно. Жаркое как раз будет готово.

Закончив разговор и улыбнувшись краешком губ, я бросаю телефон на столешнице и иду в детскую проверить, как справляется с раскраской моя Варвара. Оказывается, что никак.

Вымотавшись за день среди толпы галдящих незнакомцев, дочь сладко сопит прямо за столом, уткнувшись лбом в ладони. Так что я максимально осторожно перекладываю ее на кровать, избавляю от платья и укрываю одеялом, не

удержавшись от того, чтобы заправить прядь светлых волос за маленькое розовое ушко.

– Сладких снов, малышка.

Говорю скорее себе, нежели свернувшейся калачиком Варе, и тихо выскальзываю в коридор, бесшумно притворяя за собой дверь. Сердце по-прежнему щемит от нежности, как тогда, когда мне впервые принесли крохотный пищащий сверток в роддоме, а на кончиках пальцев селится мелкая дрожь.

Наверное, я никогда не перестану благодарить Бога за подаренное мне чудо, спящее сейчас за стеной.

Смахнув с ресниц несколько капель слез, я мысленно ругаю себя за излишнюю сентиментальность и неторопливо меняю домашний наряд на длинное темно-синее платье с запахом. Успеваю подправить утративший былую свежесть макияж, распустить падающие тяжелой волной на плечи волосы и накрыть на стол прежде, чем в коридоре раздастся скрежет открываемого замка.

– Привет.

Переместившись в прихожую, я забираю у супруга пиджак и вешаю его на крючок, пока Сергей скидывает темно-коричневые туфли с чуть заостренными носами в угол. Уловив знакомый свежий парфюм, я отчаянно прислушиваюсь к себе в надежде отыскать хотя бы крохотную искорку, способную превратиться в буйный, пожирающий все на своем пути пожар.

Безрезультатно.

Наверное, глупо в двадцать восемь лет в спокойном размеренном браке ждать, что сердце вдруг пропустит удар и понесется вскачь, как оглашенное. Что колени будут подкашиваться, как у влюбленной школьницы, а на глаза вдруг опустятся меняющие реальность розовые очки.

Глупо и наивно. Особенно для той, кто сознательно выжигала из себя болезненные привязанности и травмировавшие душу чувства.

– Привет, Лиль. Чудесно выглядишь. Как и всегда.

Осчастливив меня традиционным комплиментом и невестомым поцелуем в щеку, Аристов ненадолго запирается в ванной, чтобы вскоре вернуться на кухню в серых спортивных штанах и такого же цвета футболке. Вытирает махровым полотенцем сползающие по шее струйки воды и мягко улыбается в то время, как я ставлю перед ним тарелку с дымящимся жарким.

В росте муж немного проигрывает Игнату, зато ничуть не уступает ему в ширине плеч. У них обоих короткие светло-русые волосы, порочные пухлые губы с соблазнительным изгибом и заостренные упрямы скулы.

И меньше всего мне нравится, что в этот момент я сравниваю двух мужчин, вместо того, чтобы искать романтику в запланированном мною же вечере.

– Как переговоры?

– Лучше, чем я предполагал. Заручился поддержкой в ми-

нистерстве, задачи распределил. В общем, могу послезавтра взять выходной и вывести вас с Варькой в свет.

Отправив кусок сочной телятины в рот, Сергей сообщает мне с видом победителя. Я же тону в робкой радости, похожей на кружевную морскую пену, и не подозреваю, чем окончится наш «выход в свет»...

Глава 4

Лиля

Следующий день проскакивает разноцветными пятнами-вспышками, как будто старенький видеомаягнитофон зажевал кинолентку и вытер часть событий.

Утром я слишком долго собираюсь на работу, рассеянно опрокидываю на кремовую блузку остатки американо, плещущегося в чашке, и торопливо переоблачаюсь в строгую белоснежную рубашку. По сложившейся традиции передаю Варю на руки бравшей вчера отгул няне Лие и клятвенно обещаю дочери заказать вечером ее любимую пиццу «Четыре сыра».

Докрашиваюсь уже в машине, пока стою в километровой пробке из-за каких-то дебилов, столкнувшихся лоб в лоб. И растрепанная влетаю в офис, на ходу поправляя разметавшиеся от теплого майского ветра волосы.

– Катюня, тебе пора в отпуск. Срочно.

Оценив огромные мешки у бесценной сотрудницы под глазами, я подталкиваю к ней упаковку патчей с агавой, и скрываюсь у себя в кабинете, рассчитывая на привычную чашечку крепкого ароматного кофе с корицей.

А за окном вовсю хозяйничает весна. Солнце раскраши-

вает золотом высотки и пускает по стеклам зайчиков, маленькие перистые тучки плывут по ярко-голубому небу, деревья радуют взор буйной изумрудной зеленью. И меньше всего мне хочется закапываться в аналитические сводки и насиловать мозг стройными рядами из цифр.

Вот бы ненадолго рвануть за город, снять какую-нибудь дачу с подогреваемым бассейном и сбросить накопившуюся усталость.

– Лилия Романовна, к вам из «Кросс Групп».

Оживший селектор в одну секунду рушит радужные фантазии, которым пока не суждено сбыться, и я внутренне подбираюсь, вытягиваясь в струну.

Я не должна волноваться перед приходом Крестовского, но все равно волнуюсь. Поспешно проверяю, в порядке ли моя прическа. Облизываю пересохшие губы и складываю ладони на коленях, как прилежная ученица.

Только на пороге появляется не вынудивший когда-то из меня душу мужчина, а девушка, упакованная в стильный брючный костюм черного цвета. С длинной тугой косой, ровной прямой челкой и профессиональным оскалом «я-сотру-вас-в-порошок-если-понадобится».

– Здравствуйте. Я от Игната Дмитриевича.

Она вольготно располагается в кресле, закидывая нога на ногу, и грациозно передает мне доверенность. Я же без каких-либо на то причин испытываю едкую обиду из-за того, что Крестовский не приехал сам, а прислал вместо себя юри-

ста.

Неправильно. Глупо. Иррационально.

– Здравствуйте. Чай? Кофе?

– Нет, спасибо.

Горделивая брюнетка с третьим размером груди ожидаемо отказывается, бегло просматривает подготовленные Катериной акты и утвердительно кивает, не найдя в бумагах неточностей.

– Деньги поступят на ваш счет в течение трех банковских дней. Игнат Дмитриевич просил передать, что с вами было приятно сотрудничать.

– Спасибо, что выбрали наше агентство.

Убрав свой экземпляр на край стола, я выдаю механическим голосом и не могу ни на чем сосредоточиться, благо, что больше никаких встреч сегодня не запланировано. Так что я со спокойной совестью возвращаюсь домой раньше обычного, отпускаю Лию на свидание и с упоением читаю Варе «Волшебника изумрудного города». С ностальгией погружаюсь в любимую сказку из детства, вместе с отважной девочкой Элли из Канзаса шагаю по дороге из желтого кирпича, ищу для Железного Дровосека сердце, а для Трусливого Льва – храбрость.

Рядом с дочкой я ловлю свой маленький дзен и больше не чувствую себя до тошноты одинокой, как в офисе пару часов назад. Незаметно уплываю в блаженную дрему и засыпаю вместе с Варварой, выпуская книгу из рук.

А наутро все краски видятся ярче, самый обычный омлет с ломтиками ветчины и помидором кажется вкуснее, вчерашние мрачные мысли – глупостью. И я беспечно кружусь перед зеркалом, изучая безупречно сидящий на моей фигуре оливковый комбинезон.

– Готовы, красавицы?

Не успеваю зафиксировать, когда за моей спиной материализуется улыбающийся Сергей. Нахожу, что пришедшие на смену строгому костюму демократичное серое поло и бежевые слаксы радуют глаз, и даже не возражаю, когда в динамиках «Мерседеса» начинает играть трек от Эминема и Дайдо.

Мой чай остыл, и я не знаю, зачем вообще встала с постели... Утренние дождевые облака у моего окна и из-за них мне ничего не видно... Да и зачем, там все равно все серо. И только твоя фотография у меня на стене напоминает мне, что все не так уж плохо, все не так уж плохо...

Когда-то эта мелодия много для меня значила, но мужу я об этом не говорю.

– Как дела в агентстве, Лиль?

– Тьфу-тьфу, раскручиваемся потихоньку. Есть пара свадебных заказов, один хакатон и корпоративный ивент. Возможно, скоро придется расширять штат.

Испытав прилив гордости за собственное детище, я крепко держу Варину ладошку и едва не спотыкаюсь, натываясь взглядом на знакомый профиль. За соседним с забронированным нами столиком недавно открывшегося, но успевше-

го набрать популярность ресторана расположился Крестовский. И меньше всего я хочу, чтобы он обернулся.

Но он оборачивается, как будто ощущает, что я пристально его разглядываю, и дергает уголком вымазанных в сливочном креме губ. И хуже всего даже не сердитая складка, прочерчивающая его лоб, а наличие в одном помещении со мной его матери. При виде которой тугой спиралью скручивает внутренности, и желудок стремительно подскакивает к горлу.

Оседающая на языке горечь. Осколочная в грудь. По касательной.

– Лиль, все в порядке?

– Нормально.

Я отвечаю Сергею глухим скрежетом, как будто в рот насыпали песка, и ногтями вцепляюсь в его локоть, как в спасательный круг. С титаническим усилием отрываю обутую в туфлю на высоком каблуке ногу от пола и делаю механический шаг вперед.

В апреле мне исполнилось двадцать восемь. Я открыла свое ивент-агентство, вышла замуж и родила прекрасную дочь. Мы с Аристовым купили элитную квартиру в бомбезном комплексе, у меня в ушах серьги за триста тысяч, а на запястье – часы стоимостью с тачку. Только это ни хрена не спасает.

Рядом с Крестовскими я снова чувствую себя глупой провинциалкой, приехавшей покорять столицу с потертым че-

моданом в убогую черно-коричневую клетку. Той, кто не достоин дышать с «небожителями» одним воздухом.

– Тебе нехорошо? Ты побледнела.

– Все в порядке.

Я настаиваю на не выдерживающей никакой критики нелепой лжи и продолжаю идти дальше, как по битому стеклу. Лопатками ощущаю, что за каждым моим движением неотрывно следят, поэтому гордо вскидываю подбородок и расправляю норовившие согнуться плечи.

Наверное, Русалочке было так же весело ходить по ножам...

– Если тебе не нравится место, мы можем уехать.

Непробиваемый, как скала, муж проявляет присущие ему такт и терпение, только я не готова бежать отсюда, поджав хвост. И собственноручно стирать с Вариного лица счастливую улыбку и объяснять моей крохе, почему мы не будем заказывать здесь ее любимую пиццу, тоже не готова.

– Да нормальный ресторан. Девчонки на работе хвалили и кухню, и персонал.

Поборов расплзающееся по венам гнетущее разочарование, я прячусь в кресле с высокой спинкой и с притворным воодушевлением листаю глянцевое меню. Знаю, что кроме воды в меня ничего не влезет, но для проформы заказываю греческий салат.

– Мне стейк из лосося, блинчики с клубникой и заварным кремом и латте, – Сергей озвучивает свой заказ хорошень-

кой официантке, затянутой в форменную рубашку и черные брюки, после чего возвращает все внимание мне, парой фраз вспарывая старые раны. – Слева от нас сидит Крестовский Игнат, да?

– Да.

Это Аристов вытаскивал меня из глубокой эмоциональной ямы, когда я перебралась в Питер. Это он вытирал мне сопли, лечил накрывшую меня с головой депрессию душевными разговорами и коробками со слабостями и удалял с моего телефона ненужные фотографии. И я бы с удовольствием вытерла вместе с канувшими в небытие снимками болезненные воспоминания, только день знакомства с Игнатом до сих пор стоит перед глазами, как будто это было вчера.

Чуть больше пяти лет назад

– Коваль, что ты копаешься, как сонная муха? Схватила поднос и побежала, давай!

Светка, полная низкорослая блондинка, панибратски шлепает меня по заднице и перегибается через стол, как из пулемета тарабаня названия блюд повару.

Крыльшки терияке. Сырные шарики. Картошка фри. Три. Чесночные гренки. Луковые кольца. Цезарь с копченой курицей.

Сегодня в нашем баре транслируют какой-то матч Лиги Чемпионов, яблоку негде упасть. Мы все зашиваемся, не

успевая таскать тарелки туда-обратно, но чаевые обещают быть очень приличными. Так что можно перетерпеть и противный тремор в конечностях, и ноющее запястье, и раздухарившихся от горячительных напитков клиентов.

– Ваш шашлык из свиной шеи. Рыбка жареная к пиву.

Приятного аппетита.

– Девушка, стойте!

Испугавшись, что перепутала заказ и подала подвыпившей компании из четырех молодых парней не то, я круто разворачиваюсь в своих выдавших виды бело-розовых кедах и готовлюсь рассыпаться в извинениях. Немного нервно заправляю выбившуюся из хвоста прядь за ухо и вежливо смотрю на звавшего меня блондина с серебряной серьгой в ровном прямом носу.

– Лиля, да? – прочитав имя на бейджке, он кривовато ухмыляется и несколько раз хлопает ладонью по кожаной обивке дивана. – Присядь с нами. Поболтаем. Мы угощаем.

– Извините, нам не положено. Хорошего вечера.

Поняв, что с заказом все в порядке, я небрежно отмахиваюсь от очередного любителя острых ощущений и опрометью несусь на кухню. По каким-то причинам сегодня на работу не вышли два человека, и мы с ребятами реально вешаемся, стараясь вовремя обслужить всех так, чтобы никто не захотел воспользоваться книгой жалоб и предложений.

Вся смена, в общем-то, пролетает для меня, словно в тумане. Красные лица гостей сливаются в одно невыразитель-

ное пятно, заученные фразы на автомате падают с языка, а колени буквально подкашиваются, когда время приближается к заветным двум часам ночи.

Как по команде, мы все выдыхаем с облегчением, стоит массивной дубовой двери закрыться за последним посетителем. Я наспех умываюсь в раковине в туалете, торопливо меняю форму на свободную серо-синюю футболку и драные джинсы и выскальзываю через задний вход, не подозревая, что приключения только начинаются.

– Ну, что же ты, девочка Лиля, нас бортанула?

– Не по понятиям это. Неправильно.

– Мы ведь нормальные пацаны, ну. По-хорошему тебя пригласили.

Липкая паника спускается вниз по позвоночнику холодным потом, пальцы непроизвольно сжимаются в кулаки, и я отшатываюсь назад, собираясь юркнуть в спасительное тепло бара. Но не успеваю.

Блондин, тот самый, который приглашал присоединиться к их шумной мужской компании, подрывается с места, резко толкает меня к стене и зажимает рот жесткой ладонью. Другие двое надежно фиксируют запястья и стопы так, чтобы я не могла пошевелиться. А четвертый злобно скалится в стороне, перекатываясь с пяток на носки и обратно.

Ощущение сюрра происходящего зашкаливает.

– Могла поехать с нами по-хорошему. А теперь развле-

чемся, как нам нравится.

Подавшись вперед, грубо выцеживает блондин с серьгой, а я предпринимаю жалкую попытку высвободиться из чужого стального захвата. Трепыхаюсь, как бабочка, прищипленная булавкой к доске, и лишь подогреваю азарт, плещущийся в красивых голубых глазах.

Стеклянных мутных жестоких омутах.

– Так даже интереснее.

Склонив голову набок, роняет парень и свободной рукой сминает ткань футболки, скользя по голой коже. Отчего меня натурально начинает мутить, и жалкий завтрак из сваренного в крутую яйца и бутерброда с сыром просится наружу.

Гадко. Мерзко. Страшно. До гула в ушах, барабанного перестука в висках и долбящего непонятный дикий ритм сердца. До трезвого осознания собственной беспомощности и трусливого желания, чтобы этот кошмар поскорее закончился.

О последствиях я буду думать позже. Много позже.

– От девчонки отошли. Ну!

И, пока я тщетно пытаюсь смириться с неизбежным, резкий свист шин разрезает на куски пространство. Позади нас тормозит ярко-оранжевый автомобиль, из которого выпрыгивает светловолосый парень лет восемнадцати, огибающий тачку и облакачивающийся на капот с видом хозяина жизни и всего этого гребаного города.

И, если мои непрошеные знакомые мешкаются, не воспринимая новое действующее лицо, как серьезную угрозу, то пистолетный выстрел в одну секунду меняет их мнение.

– Грейся. Дрожишь вся.

Спустя пару минут на мои трясущиеся плечи опускается большая кожаная куртка. Ловкие пальцы осторожно, но решительно растирают холодные ладони. И больше ничто не напоминает о едва не случившейся на заднем дворе бара катастрофе, кроме катящихся по моим щекам слез и поселившегося за грудиной безумного унижительного страха.

Глава 5

Игнат

– Антох, фигня! В перекарас.

Мельком зыркнув на кузов серебристой «Камри», я озвучиваю свой вердикт покрывающемуся красными пятнами молоденькому маляру, и усиленно игнорирую молчаливое осуждение слесарей.

Круто разворачиваюсь на пятках и исчезаю в кабинете Матвея, напоследок хлопнув дверью. Падаю в мягкое кожаное кресло и смотрю на друга снизу-вверх, ожидая вполне справедливой нотации.

Свою долю в автосервисе я переписал на Сашку, теперь уже жену Мота, в качестве свадебного подарка и по-хорошему больше не имею здесь права голоса. Но по какой-то причине вычитываю талантливому парню за несуществующие косяки.

– Какая муха тебя укусила, Крест?

– Никакая.

– С Викой поцапался?

– Да с ней разве поцапаешься? Она, если у меня остается, каждый раз до будильника вскакивает, чтобы завтрак приготовить. За задержки на работе ни слова не говорит и в теле-

фон, как большинство девушек, не лезет.

Перечислив бесспорные достоинства собственной почти невесты, я пишу ей, что заеду минут через сорок, получаю положенный смайлик-сердечко и возвращаю внимание Матвею. Который, судя по раздувающимся крыльям носа, хочет сообщить мне что-то не слишком приятное.

– Бекет звонил полчаса назад. Баснословные бабки за сервис предлагал. Я его, конечно, послал...

– Далеко?

– Дальше, чем тебя, когда ты предлагал подписать с армейкой новый контракт, – дерзко ухмыляется Зимин, демонстрируя ту самую ямочку, в которую без памяти влюблена Сашка, и резко серьезнеет. – Ты уверен, что у вас с ним не личное? Слишком активно копает.

– Да не помню я, Мот! Сам же знаешь, что первые полгода, как Лилька в Питер укатила, на автопилоте прошли. Клубы, гонки, ринг. Если б не вы с Александрой, меня б тогда с универа точно числанули.

После моего импульсивного монолога затыкаемся с приятелем одновременно. Цедим заваренный им ромашковый чай, который ни хрена не помогает лечить нервы, и обмениваемся рукопожатием, когда антикварные часы на стене отбивают двенадцать.

Нужно успеть забрать Вику из фитнес-центра и явиться к родакам на обед. Обсудить отцовские планы по расширению сети кафе, выслушать от мамы лекцию о здоровом питании и

моем никуда не годящемся рабочем графике. Отложить объявление о помолвке на неопределенный срок.

Не то, чтобы мне не нравилась Левина. Но возвращение бывшей пассии в город все-таки вышибло меня из привычной накатанной колеи. Вышибло настолько, что сначала я сам хотел посетить Лилин офис и подписать акты, в итоге послал вместо себя юристку, после чего долго компостировал бедной девчонке мозг, надеясь найти лажу в документах и помчаться их переподписывать.

Клинический идиот. Да.

– Чудесно выглядишь.

Проторчав на парковке «Миллениума» лишние пятнадцать минут и успев нарисовать на физиономии наносное спокойствие, я радую Вику огромным букетом белоснежных тюльпанов, призванных скрасить мое постоянное отсутствие и не слишком деятельное участие в обустройстве квартиры.

Как и подобает галантному кавалеру, я открываю дверь автомобиля перед прекрасной девушкой, придерживаю ее за локоть и скалюсь, как счастливый дебил. Наивно рассчитывая на то, что фальшивая улыбка перерастет в настоящую и привнесет в душу недостающую гармонию.

Не привносит.

– А ты не успел заехать домой переодеться?

Поправив расклешенную юбку светло-бежевого шифонового платья, Левина осторожно касается губами моей щеки и ободряюще гладит пальцами по предплечью.

Хорошая девочка. Правильная. Чересчур идеальная, чтобы упрекнуть и выдать что-нибудь, вроде «Крестовский, посмотри на себя! Не мог вместо помятой футболки нормальную рубашку надеть».

– У Матвея в сервисе был.

С ней я даже вожу аккуратнее, чем обычно, включаю поворотники, когда перестраиваюсь, не сигналию зазевавшимся шоферам и не матерюсь. И не могу сказать, что этот факт меня радует.

Проделав недлинный путь до нужного заведения с оранжево-коричневой вывеской, я старательно выметаю из гудящей, словно по ней долбанули кувалдой, башки скопившийся мусор и критически оцениваю спутницу в то время, как мы размещаемся за столиком напротив родителей.

Отлично воспитанная, в совершенстве владеющая двумя иностранными языками, читающая литературу о саморазвитии, студентка второго курса дизайнерского факультета поможет сгладить острые углы тяжелого характера Крестовского Игната Дмитриевича. Так в шутку говорит моя самую малость деспотичная маман, и я не спешу ее разубеждать.

– Викуль, отличное платье.

– Спасибо, Марина Борисовна. Как ваши дела? Понравился косметолог, которого я советовала?

– Да, отличная девочка.

Женщины начинают светскую беседу, но я слышу их, как сквозь плотный слой ваты или пенопласта, потому что по

спине расплзается едкий жар. Огонь жжет лопатки, обли-
зывает затылок, скручивается непослушным комком рядом
с сердцем.

Знаю, что в помещение вошла Лиля.

Оборачиваюсь. Падаю в разверзающуюся под ногами без-
дну. Не выкарабкиваюсь.

Красивая такая. До одури. До остановки сердца. С ка-
ким-то мужиком прилизанном под руку. С дочкой.

Сука.

Хоть сейчас на обложку журнала «Идеальная семья»,
«Мой любимый дом» или что там сейчас издают про ваниль-
но-счастливые ячейки общества?

В ушах нестерпимый гул, на кончиках пальцев – судорож-
ный тремор. Стойкое ощущение, что весь мой гребанный
мир, набирая скорость, летит в тартарары, попутно ломая
выстраиваемые в течение не одного года барьеры-границы.
Призванные защитить от непрошеного вмешательства лю-
бой особы женского пола.

– Ваше каре ягненка в клюквенном соусе.

Передо мной бесшумно опускается тарелка с дымящим-
ся куском мяса, я же только сейчас возвращаю зрению чет-
кий фокус и теперь уже тщательно изучаю сидящую напро-
тив мать. Белая, как полотно, она безжалостно измельчает
салфетку на множество мелких клочков и нервно кусает гу-
бы.

От бывлой непринужденности не осталось и следа. Нить

беседы безнадежно потеряна, мелодичный щебет Виктории несказанно раздражает, над столиком – липкая напряженность.

– Марина Борисовна, вы побледнели. Что-то случилось? Вам нехорошо?

Не зная причин произошедших изменений, Левина начинает бестолково суетиться. Едва не опрокидывает графин на пол, не без труда наполняет водой пузатый бокал, я же глотаю дерущий горло истерический смех.

Мать до свинцовой ядовитой пелены перед глазами ненавидит Лилю. И ничто не смогло изменить ее отношения: ни время, ни мои убедительные уговоры, ни достоинства Коваль-Аристовой.

– Ново-пассита ей накапай. Или коньяка налей. Грамм двести.

Не удержавшись от насмешки, я с грохотом отодвигаю стул и иду проветриться. Подставить лицо под ледяные струи воды, остудить ни разу не безопасный огонь, способный разрушить здесь все до основания. Выдохнуть.

Только мой план моментально проваливается к чертям, стоит Лиле появиться в узком коридоре между мужским и женским туалетом. В стильном комбинезоне оливкового цвета, с максимально естественным нюдовым макияжем и мерцающими в мочках ушей сережками-каплями она безупречна и совсем не похожа на ту девочку-официантку, которую я когда-то спас от местного быдла-хулиганья.

Мотнув головой, я невольно воспроизвожу детали памятного вечера, а потом происходит непоправимое. В ноздри забивается до боли знакомый запах – невообразимое сочетание чайной розы, цитруса, жасмина, черного перца и мускатного ореха, и в считанные секунды палит какие-то жизненно важные клеммы. Иницирует совершенно ненужную сейчас каталитическую реакцию, с треском крушит стоп-сигналы, врубает животные инстинкты на максимум.

От гаммы эмоций, начиная от сильнейшей безграничной ненависти, заканчивая застарелой болезненной привязанностью, отчаянно рвет крышу. Вытаскивает наружу глубоко похороненное. Вытравливает все разумное из организма.

– Коваль...

– Аристова...

Под хрипловатое сдавленное айканье я резко впечатываю Лилю в стену, оклеенную ужасными бежевыми обоями в непонятный цветочек, и ненадолго задерживаю дыхание, перекрывая доступ кислорода в легкие. Все – лишь бы не догоняться вызывающим непонятные процессы в теле ароматом и не дуреть еще больше.

Хотя, казалось, куда больше?

– Ты специально?

– М?

– Специально заявила с мужем в ресторан моего отца?

– Крестовский, ты идиот? Если ты решил, что я буду бегать за тобой, как дворовая приبلудившаяся собачонка, то...

Что там следует за красноречивым «то», Аристова произнести не успевает. Замирает, когда я зубами впиваюсь в ее нижнюю губу. Дрожит лихорадочно, транслируя страх, влечение и желание одновременно. Глухо стонет, оттого что мои пальцы грубо сдавливают ее подбородок, и выгибается навстречу, высекая между нами багряные и огненно-желтые искры.

Тело к телу. Колено между бедер. Запястья за голову, чтобы не дергалась.

Да она и не сопротивляется. Льнет ко мне, словно одурманенная валерьянкой мартовская кошка. Впрыскивает в кровь убийственную отраву, заставляя на какое-то время забыть о нанесенной обиде. Дразнит.

Ядерное безумие. Форменный психоз.

И я окончательно прощаюсь с едва различимыми на фоне этого помешательства доводами рассудка и более, чем уверенно тянусь к молнии комбинезона сбоку, когда в нашу чокнутую Вселенную врывается озадаченное детское.

– Мамочка! А что вы здесь делаете?

Глава 6

Лиля

– Мамочка, а правда, что надо загадывать желание, когда звезда падает?

– Во-первых, настоящие звезды с неба не падают. За падающие звезды мы принимаем маленькие камни, которые летят из космического пространства, раскаляются, горят и гаснут, не успевая достичь Земли.

Тонко чувствуя мое нестабильное состояние, Сергей перетягивает Варино внимание на себя и увлеченно читает лекцию о метеорах – космических пришельцах. Дотошно разъясняет дочери малейшие детали, снабжает рассказ оживленными жестами и демонстрирует несколько ярких картинок на экране смартфона в подтверждение своих слов.

Я же благодарно ему киваю.

Нечеловечески мудрый к своим тридцати пяти. Эрудированный. Слишком понимающий. Такой, которого я не заслуживаю.

– Сереж, я в туалет.

Не выдержав скопившегося в районе солнечного сплетения напряжения, я неуклюже выкарабкиваюсь из-за стола и только сейчас замечаю, что стул Крестовского тоже пустует.

Раз, два, три. Дыши, Аристова, дыши. Ну, не садиться же обратно, в конце концов!

Поборов трусливый порыв, больше подходящий для страуса, я резко чеканю шаг, впечатывая каблуки в твердую поверхность, и отчаянно стараюсь утомонить учатившийся пульс.

Не получается. Ровным счетом ничего не получается. Особенно, когда я заворачиваю за угол и в ставшем невероятно тесным для нас двоих коридоре наталкиваюсь на Игната и клубящиеся в глубине его диких глаз смертоносные вихри.

Мощная судорога прошивает насквозь. Волоски на руках встают дыбом, как будто меня только что шибанули дефибрилятором. Планеты с оглушительным грохотом покидают орбиту, мир переворачивается вверх тормашками, и уже в следующую секунду я оказываюсь прижата горячим телом к стене.

Нет сил сопротивляться. Да и желания тоже нет. Особенно, когда человек, наизусть знающий каждый твой изгиб, черточку, триггер, вот так умело плавит твои обиды и принципы в кипящем котле беспокойных страстей. Напоминает о том беспощадном безумстве, которое когда-то между нами творилось, и по-хозяйски тянется к застежке чертова комбинезона, под которым буквально горит кожа.

– Мамочка! А что вы здесь делаете?

Появление Вари в одно мгновение отрезвляет, смывая тя-

желый наркотический дурман ушатом ледяной воды. Заставляет задыхаться от негодования на саму себя, спешно отлепляться от Крестовского и нырять ему под руку, притворяясь, что ничего особенного не происходит.

– Дядя Игнат помогал мне найти соринку в глазу. Щиплет. Посмотришь?

Я осторожно опускаюсь перед дочкой на корточки и лихорадочно молюсь, чтобы мужчине за моей спиной хватило такта и ума промолчать. А еще лучше – скрыться за дверью туалета и не отвечивать, пока моя кроха не начала сыпать другими излюбленными вопросами «как-зачем-почему».

– Вот, мамуля! Нашла!

К моему огромному счастью, Варвара издает победоносный клич маленького индейца, действительно обнаруживая у меня на щеке ресницу, после чего мы вместе возвращаемся к Сергею за стол.

От нестерпимого стыда у меня пылают алым даже кончики ушей, а растревоженное сердце отбивает истеричное отрывистое стаккато, только все это ускользает от внимания Аристова, потому что он слишком погружен в непрестанно вибрирующий телефон.

– У меня в банке небольшой форс-мажор. Ничего катастрофического, но мое присутствие не помешает.

Отлипнув от все еще мигающего оповещениями гаджета, извиняющимся тоном сообщает Сергей и выглядит по-настоящему разочарованным, оттого что наш редкий и дол-

гожданный выходной так скоро близится к концу. На что я лишь мягко улыбаюсь и поддерживаю супруга, как это обычно делает он.

– Езжай. Мы с Варей побудем сами, закажем десерт. Все в порядке.

– Привезу вечером роллов и сладостей. Не скучайте.

Поднявшись из-за стола и всучив кредитку, хоть на моей карте давно достаточно средств, Аристов сначала целует Варвару в макушку, а потом нежно ведет ладонью по моей щеке прежде, чем окончательно попрощаться. Я же не могу избавиться от ощущения, что между лопаток впивается сотня наточенных ножей.

Готова поставить сотню долларов на то, что Игнат снова находится у меня за спиной.

– А Венера – сосед Земли, вторая планета от Солнца в Солнечной системе. Ее назвали в честь римской богини красоты и любви...

Насколько это возможно, я отрешаюсь от испытываемого дискомфорта и старательно игнорирую дурацкое покалывание на коже, которое слишком явно свидетельствует о чужом пристальном внимании.

С радостью продолжаю затронутую Сережей «звездно-космическую» тему и украдкой улыбаюсь от того, что Варя слушает мой поучительный рассказ с широко открытым ртом. В этом возрасте они все жадно ловят любую информацию и впитывают чужие привычки-повадки-словечки, как

губка.

Закончив с познавательной частью нашего обеда, мы съедаем по два шарика бананового мороженого и возвращаемся на такси домой. И мне даже удается ни разу не взглянуть за соседний столик, где, судя по доносящимся звукам, идет оживленная беседа.

А в нашей уютной квартире, где мы с Варварой беремся за любимые раскраски, мне становится гораздо спокойнее. Плавные мазки дочери умиротворяют, «Волшебник изумрудного города» и вовсе выравнивает метавшееся, словно маятник, настроение до отметки «прекрасно». И я укладываю кроху спать без выворачивающих душу мыслей о прошлом и просканировавшей меня с макушки до кончиков пальцев ног Марине Борисовне.

– Здесь все несколько иначе, чем в Питере, но я справляюсь.

Наполнив фиолетовую пузатую кружку травяным чаем, отчитывается устранивший свой форс-мажор Сергей. Мы с ним разговариваем на кухне вполголоса, пока Варя смотрит, наверное, уже десятый сон. Аристов неспешно цедит светлый напиток в прикуску с овсяным печеньем и параллельно раздает какие-то указания в своем телефоне, я же сижу на подоконнике, прижав колени к груди.

– Уверена, что вывезешь, Лиль?

Банальный, но вместе с тем каверзный вопрос хлестким ударом бьет в цель, заставляя зябко ежиться. Я знаю, что,

вернее кого, имеет в виду муж, и невольно веду плечами, подбираясь.

– Это была разовая акция. Хорошие деньги, непыльная работа, на перспективу – сарафанное радио и новые клиенты.

Глуша верещащую, словно сирена, интуицию, я убеждаю себя, что ничего страшного не случилось, и на открытии салона наше с Игнатом общение закончилось. Только вот новый день преподносит незапланированные сюрпризы.

Мы гуляем на детской площадке жилого комплекса, Варя катается с небольшой горки под чутким присмотром Лии, ну, а я наблюдаю за ними издали, разворачивая брикет сливочного пломбира. Жмурюсь в предвкушении лакомства и думаю, что неплохо бы обновить гардероб, когда колючие мурашки начинают маршировать вдоль позвоночника.

Вдыхаю глубоко, длинно. Медленно выпускаю воздух из легких и так же медленно поворачиваюсь. По залитой солнцем дорожке широким шагом перемещается Игнат, отчего мой желудок стремительно ухает в пятки, а ладони предательски холодеют.

Я не готова. Не сейчас. Не завтра. Никогда. Слишком много во мне до сих пор плещется боли, обиды, выжигающих нутро эмоций.

– Если ты о вчерашнем...

Каменею, пока функции организма скоротечно атрофируются. Пломбир неумолимо тает, стекает с пальцев и падает

липкими круглыми каплями на прогретый асфальт.

Где-то там валяется мое через раз трепыхающееся сердце.

– Я хотел извиниться. Мне не стоило на тебя так набрасываться.

Не знающий, куда деть руки, мужчина в светло-синих потертых джинсах и неизменной черной футболке удивляет. Крестовский, с которым я каталась по слепящему огнями городу и могла разделить большой сочный гамбургер поздней ночью, не умел просить прощения и признавать ошибки. Он пер как танк к своим «хочу», с высокой колокольни плюя на общественное мнение и сминая катком чужие желания, если они не совпадали с его.

Изменился? Повзрослел? Нахвтался бесценного опыта? Возможно...

– Слушай, Лиль. Давай продолжим сотрудничество. У отца скоро открывается несколько новых точек. Мне понравилось, как вы организовали мероприятие у нас.

Озвученное хриловатым бархатистым баритоном предложение застает врасплох. Смущает и отчего-то обезоруживает. Правда, клубящиеся на дне карамельно-карих глаз вихри не дают обмануться.

Игнат, как был хищником, так и остался. Акулой, которая проглотит мелкую рыбешку в два счета и не подавится. А еще, вероятно, вскрыет то, что я так старательно пытаюсь похоронить.

Глава 7

Игнат

– Мне нужно подумать.

Буквально на уровне ультразвука, едва слышно произносит Лиля, а у меня ее шепот во всем теле вибрацией резонирует. Что-то глубинное, почти забытое из недр души извлекает и заставляет, не мигая, смотреть на хрупкую блондинку в приталенном ярко-желтом сарафане.

Стройная. С изящными запястьями и тонкими лодыжками. С губами этими манящими. Хоть сейчас в фотосессии для крутого журнала снимай.

– Сколько?

– До завтра, ладно? В обед сообщу.

Стискиваю зубы крепче, стирая эмаль. Не двигаюсь. Хотя очень хочется податься вперед, встряхнуть Аристову за плечи, втягивая ноздрями действующий, словно афродизиак, аромат и вывалить на нее стопку из бонусов и перспектив. Что лягут в ее карман, если она согласится подписать со мной очередной договор.

Нельзя. Надо, чтобы сама дозрела.

Я знаю, что жмурящаяся от слепящего ее солнца девушка не набивает себе цену и не прибегает к типичным женским

уловкам. Скорее, пытается выстроить между нами заградительные барьеры, которые мне пока рано ломать. Да и надо ли?

– Хорошо.

Склонив голову набок, я какое-то время молчу, пристально наблюдая за тем, как прямые лучи продолжают плавить зажатый в руке Лили пломбир. Раньше я бы опустил перед ней на корточки, взял бы ее ладони в свои и медленно слизал с аккуратных худых пальцев растаявшее мороженое. А потом отпустил бы грязную шутку и впился бы в соблазнительный рот жадным поцелуем, деля ваниль на двоих.

Сейчас же я лишь судорожно сглатываю и упорно держу дистанцию, потому что на расстоянии меньше метра башню к хренам снесет, и все мои извинения превратятся в пустой бесполезный звук.

– В обед заеду к тебе на кофе.

Силой воли стопорнув транслируемые мозгом неприличные картинки-образы, я ставлю Аристову перед фактом и стараюсь не думать о том, как от моих слов вздрагивают ее плечи. А еще о том, что доносящийся с горок смех светловолосой крохи, упакованной в лавандовый комбинезон, дергает какие-то странные струны внутри.

Не вовремя. Не тогда, когда я уже расписал в своем воображаемом планнере ближайшие пять лет, где не предусмотрено места для Лили и ее солнечной дочери.

– На ужин? Нет, не жди. Буду поздно.

Покинув вылизанную до блеска территорию жилого комплекса, я сажусь в припаркованную неподалеку тачку и долго пялюсь в лобовое стекло, бесцельно изучая сияющие окна высотки. Отбиваю какой-то странный ритм по оплетке руля и не слишком охотно выныриваю из философских дум, когда телефонная трель вклинивается в блаженную тишину.

Вика звонит сообщить, что она уже освободилась, купила в «Афимолл Сити» новый комплект белья и собирается готовить фаршированные мясом баклажаны по маминому рецепту.

Конечно же, от моего «не жди» голос Левиной мгновенно теряет счастливые краски, только я достаточно эгоистичен, чтобы проигнорировать чужое звенящее разочарование и тронуться в выбранном направлении.

– Демид, здорово. Впиши меня. На сегодня, да.

Найдя нужного человечка в списке контактов, я сразу заваливаю его короткими указаниями и иронично ухмыляюсь, когда собеседник замолкает. Сопит шумно, демонстрируя слишком явное неодобрение, и, растягивая гласные, уточняет.

– Хорошо подумал? Ты же год где-то не дрался.

– Полтора. Не важно. Записывай.

Продавив распорядителя полулегальных боев Олега Демидова стальными интонациями, я получаю пару матерных фраз в свой адрес и обещание доставить нужный экип. После чего отключаюсь и не могу сдержать кровожадной то ли

улыбки, то ли оскала.

Независимо от исхода схватки, я выплесну скопившийся за эти дни адреналин и, быть может, вздохну спокойнее.

Пока не получается. Кроссовок сам топит педаль газа практически до максимума, за стеклом с бешеной скоростью пролетает приевшийся городской пейзаж, музыка из колонок доносится едва различимым фоном. И я даже не пытаюсь разобрать, о чем поет пронзительный женский голос.

В общем, к зданию известного лишь в узких кругах закрытого клуба я подъезжаю порядком на взводе, швыряю вибрирующий без перерыва мобильник в бардачок и буквально выпрыгиваю из автомобиля, ненадолго задерживаясь перед неприметной дверью, выкрашенной в черный цвет.

– Какие люди, и без охраны. Здорово, Крест!

– И тебе не хворать, Демид.

Обернувшись на раздающийся из-за спины звук, я позволяю мужчине в светло-серой рубашке, застегнутой наглухо, и молочных слаксах меня рассмотреть, после чего тяну руку для приветствия.

– А ты спокойнее, что ли, стал, Игнат? «Инстинкт убийцы» растерял?

– Возможно...

Невозмутимо поведя плечами, я первым проскальзываю в полутемный коридор и по памяти шагаю к раздевалкам в крошечной тишине. Зачем кому-то что-то доказывать, если спустя пару часов нас рассудит ринг. Даст ответы на повис-

шие в воздухе вопросы и наклеит на каждого бойца ту или иную бирку, вроде «топ», «потрачено», «темная лошадка» или «открытие сезона».

– Твой бой третий. Располагайся.

Кивнув на скамейку, где лежит новенькая экипировка, Олег удаляется, я же сдергиваю с себя футболку, вешаю ее на крючок и не тороплюсь садиться на полированные деревянные доски. В небольшом помещении без окон душновато. Или это пряное предвкушение так сильно кипит лимфу?

Сильнее. Жестче. До победного.

Отчетливо шепчет мой внутренний зверь, который был так долго заперт в надежной клетке, и утробно рычит, когда я избавляюсь от джинсов, натягиваю шорты и зажимаю зубами капу. Еще немного, и мы с ним ворвемся в полузабытый мир сокрушительным смерчем, стряхнем пыль с перчаток и проверим, не канули ли в небытие старые навыки.

Вдох. Выдох. Десять шагов. Скрежет опустившейся вниз дверной ручки.

И я уже выпадаю в коридор, быстро преодолевая недлинное расстояние до мрачного, плохо освещенного зала с октагоном посередине. Вокруг залиvisto визжат девицы разной внешности, начиная от наряженных в дизайнерские шмотки спутниц папиков-толстосумов, заканчивая одетыми в самые обычные футболки и штаны участницами схваток. Кто-то оглушительно свистит, кто-то пытается поменять сделанную ставку, кто-то снимает происходящее на телефон.

– О, Крестовский!

– Сколько лет, сколько зим!

– Я думал, он уже где-то на Бали чалится...

– Ну, ни хрена себе! Сам Крест пожаловал...

Краем уха я различаю сливающиеся в какофонию обрывки фраз, но тех, кто до сих пор прекрасно меня помнит, не замечаю. Сейчас все мое внимание приковано к сопернику – застывшему в глубине клетки худому высокому блондину с кривой усмешкой и огромными ярко-голубыми глазами.

– Ты – труп.

Он произносит достаточно четко одними губами и изображает пригласительный жест, после которого отрубаются все звуки. Как по щелчку, испаряются оглушительные крики разбушевавшейся толпы, куда-то девается речь холеного прилизанного ведущего. И только сердце лихорадочно тахтит где-то в висках.

– Посмотрим.

Выдаю настолько хладнокровно, насколько могу, и занимаю место в октагоне, стараясь не думать о ярко-желтом сарафане, сливочном мороженом и девочке с глазами цвета хмурого свинцового неба.

К счастью, гонг в одно мгновение выметает лишнее из воспаленных мозгов и заставляет сосредоточиться на поединке.

Шаг. Отскок. Подсечка. Блок.

Первое время мы просто тестируем друг друга. Дразним,

выискивая слабые стороны соперника. Примеряемся. После чего резко наращиваем скорость, работаем на максималках, обрушиваем друг на друга град мощных ударов.

Пару раз меня по касательной задевает кулак оппонента. Трижды я цепляю его сам. А потом со мной случается то, что не происходило ни разу за всю неофициальную карьеру бойца. Я пропускаю хлесткий убийственный джеб, отправляющий меня на покрытие.

С глухим хлопком лопатки встречаются с матами. Мерзкий солоноватый привкус наполняет рот. Зрение барахлит. И бывшая еще несколько секунд назад четкой картинка подергивается расплывчатыми разноцветными пятнами.

– Ну, же, Крестовский, вставай!

Подбадриваю себя сам, потому что ликующая толпа поддерживает «блондинку» и громогласно скандирует «Фуллер, давай! Фуллер, добей его!», и не слишком проворно перекачиваюсь на четвереньки. Отталкиваюсь ладонями от пола и поднимаюсь на ноги, пока зрение еще фокусируется.

Башка гудит, словно чугунный колокол. Поврежденная скула противно ноет. Кровь капает из разбитой губы. Но все это сущие мелочи, по сравнению с моим уязвленным самолюбием, дающим плюс сто к карме и плюс двести к гневу.

И я уже готовлюсь с утроенным рвением вернуться в поединок, когда звучит сирена, сигнализирующая об окончании раунда. Бесит до одури и дисциплинирует одновременно.

Минута на передышку. Вылить немного воды из бутылки на макушку. Стереть полотенцем с губы кровь. Напомнить себе о том, что ты не сопляк с улицы, а король, мать его, этого места. Пусть и ненадолго оставивший свой трон.

– Ну, что, Крест, на пенсию пора?

Приблизившись к октагону, едва слышно роняет сияющий, как начищенная монета, Демид и ногтем стучит по циферблату стильных серебристых часов, красноречиво намекая на то, что мое время уже ушло. Подмигивает лукаво и удаляется от сетки, вряд ли подозревая, что этим глупым жестом взвинтил мою мотивацию до небес.

Шаг. Отскок. Подсечка. Блок. Глухая оборона.

И вот, кулак блондина снова летит в опасной близости от моего лица, только я больше не торможу. Нырять замешкавшемуся ровно на одну лишнюю секунду парню в ноги и перевожу схватку в партер, чтобы спустя двадцать ударов сердца провести болевой.

Тотальный контроль. Чужое плечо на изломе. Прочный капкан из переплетенных пальцев. Еще немного, и раздастся подобный смертному приговору жуткий хруст.

Ну же, сдавайся, парень. Кости срастаются долго.

И блондин сдается. В бессильной ярости он колотит свободной ладонью по мату и откатывается в сторону, когда я расцепляю захват.

– А победитель сегодняшнего боя... Игнат Кресто-о-овский!

После непродолжительной паузы взволнованный рефери вздергивает мою руку высоко вверх и тревожным взглядом обводит публику. Сначала от крошечной тишины закладывает уши, а потом хочется скрыться в каком-нибудь бункере, оттого что первый не слишком смелый возглас невероятно быстро перерастает в нечеловеческий ор.

И я первым выметаюсь из поистрепанной мои нервы и гордость клетки и исчезаю во все том же коридоре, ведущем к раздевалке, где лежат мои вещи.

– Ну, Крест! Ну, красава! Ну, удивил!

Забив на мое четко озвученное желание хотя бы пару минут побыть в блаженном одиночестве, в тесную комнатку протискивается довольный, как слон, Олег и сыпет восторгами, от которых во рту сразу становится приторно. Как будто сожрал три шоколадных пирожных, добавил к ним пятерку эклеров и запил это все стаканчиком сладкой газировки.

– А ты, что, думал, я под твою «блондинку» лягу?

– Эта «блондинка», между прочим, с января ни одной схватки не проиграла. А я, кстати, сорвал на тебе неплохой куш.

Демид с широкой улыбкой во всю его аристократическую физиономию огорошивает меня неожиданным откровением, я же застываю с футболкой в руках, испытывая искрящееся удовлетворение.

Оказывается, парень, от которого я чуть не огреб, тоже не в забегаловку за гамбургером вышел. Приятно. До расте-

кающейся по венам теплоты и дурманящей голову эйфории приятно.

Последствия будут завтра. В виде боли, кровоподтеков и гематом. Сегодня же можно ловить ни с чем несравнимый кайф.

– Ты как? На постоянку к нам вернулся или так, разовая акция?

– Посмотрим. На связи.

Хлопнув поморщившегося Олежу по спине, я покидаю принесший массу положительных эмоций клуб и прыгаю в криво припаркованную рядом со входом тачку. Выуживаю телефон из бардачка, не проверяю пропущенные звонки и сообщения и не замечаю, как стремительно проносится дорога до дома.

Теплая ванна. Контрастный ледяной душ. Мятный чай. И мертвецкий двенадцатичасовой сон.

Об этих мелочах я мечтаю, поднимаясь к себе на двадцатый этаж, только вместо них получаю шумно сопящую Вику, мнущуюся в коридоре. Левина закутана в махровый светло-розовый халат, квартира все еще пропитана ароматами запеченного мяса и баклажанов, а я по-прежнему брежу о комфортном одиночестве и абсолютной тишине.

– Это варварство какое-то, Игнат. Ты же завязал...

Вперившись осуждающим взглядом в мою набухшую скулу, произносит Виктория и поджимает дрожащие губы, больше не проронив ни единого слова. Я, в свою очередь, едва не

транслирую то, что вертится на языке.

А Лиля мои поединки любила. Психовала невероятно. Орала, как потерпевшая, до сорванных связок и хрипоты. Только глаз не могла отвести от того, как я дрался.

Глава 8

Лиля

– Лиль, я на обед, ладно? Справишься без меня?

– Беги уже.

Сегодня у Кати новая прическа, чуть более выразительный, чем обычно, макияж и клевые туфли на не свойственном ей высоком каблуке. И, если прибавить к получасовой переписке игривый весенний наряд, можно с легкостью вычислить, что на выходе из здания ее ждет какой-нибудь пафосный мажор, добившийся успехов спортсменов или полный энергии начинающий бизнесмен.

Что ж, хоть у кого-то в этом офисе жизнь бьет ключом. Лишь бы не гаечным и не по голове.

На моем же личном фронте все гораздо спокойнее. Торопливый завтрак из тостов с сыром и горячего какао, который Сергей пил на ходу, потому что очень спешил. Стандартное прощание и поспешный поцелуй в щеку в коридоре.

– Можешь задержаться. Я не против.

Великодушно кричу в спину удаляющейся помощнице и самую каплю ей завидую. Не помню, когда в последний раз вот так летела на свидание, забыв о неотправленном заказчикам письме и надкушенном пирожном, валяющемся рядом

с клавиатурой.

Зная тотальное невезение Катерины в выборе кавалеров, я мысленно желаю ей удачи и лениво просматриваю корреспонденцию. Ноль целых важного. Ноль целых срочного. Время как будто застыло, опутанное паутиной, и никак не желает двигаться.

В обед заеду к тебе на кофе.

Передумал? Забил? Нашел другое более статусное ивент-агентство?

Я стараюсь не думать о причинах, помешавших Крестовскому прибыть, и отстраненно наблюдаю за ползущей, словно черепаха, стрелкой настенных часов. Освобождаюсь от недавно купленных и пока еще натирающих босоножек на танкетке и со стоном массирую ноющие стопы.

Раз уж я в кабинете одна, могу себе позволить хоть ноги закинуть на стол. Никто не сделает замечание.

– Привет, Лиль.

Игнат появляется, когда я его уже не жду и расслабленно расстегиваю пару верхних пуговиц строгой блузки персикового цвета. Нагло пренебрегает стуком, по-хозяйски располагается в кресле напротив и только потом стаскивает темно-коричневые авиаторы.

У меня же воздух застревает в легких, и в одно мгновение испаряется неловкость из-за того, что он застал меня в непрезентабельном виде. У него на скуле внушительная лиловая гематома, нижняя губа прилично распухла, но это его,

как ни странно, ничуть не портит. Напротив, пальцы сами тянутся стереть с его кожи следы драки, и мне приходится сжимать их в кулаки и складывать руки на коленях.

Чтобы не поддаваться грозящему перерасти в потребность соблазну.

– Победил?

– Да.

Вопрос сам падает с губ до того, как начинает соображать мозг, и я тихо ругаю себя за несдержанность. Какое мне дело до того, участвует ли Крестовский в боях и положил ли на лопатки соперника?

– Приняла решение?

– Кофе будешь?

Я намеренно оттягиваю деловой разговор и радостно подхватываюсь, когда Игнат отвечает «буду». Со скоростью ветра исчезаю в приемной, колдую над кофемашиной и возвращаюсь с двумя чашками капучино с одной ложкой сахара. Одинакового. Для нас двоих.

Если бы в офисе был миндальный сироп, его я бы тоже обязательно добавила.

– Ну?

Настойчиво подталкивает меня Крест, застывая с напитком у рта, и прищипливает к креслу темным немигающим взором. Не говорит ничего больше, только смотрит так, что желудок подкатывает к горлу, а внутренности сковывает льдом, несмотря на то что в помещении тепло. Даже жарко.

И я знаю, что должна отказаться от сотрудничества с ним. Найти в себе достаточно храбрости, чтобы прекратить эти не обещающие ничего хорошего встречи. Окончательно сжечь вновь раскинувшиеся между нами мосты...

Знаю. Но все равно поступаю малодушно.

– Я готова подписать договор.

Это кто-то другой говорит за меня. Кто-то другой растрепывает пальцами волосы, чтобы придать им недостающего объема. И определенно кто-то другой позволяет Крестовскому отодвинуть кресло от стола, просунуть мои стопы в босоножки и заботливо защелкнуть на них замок.

Только вот лихорадит от этих простых движений меня. И это моя ладонь ложится к Игнату на локоть, когда мы спускаемся на безлюдную парковку.

– На Пятницкой? Отлично, жди. Через полчаса будем.

Усадив меня на пассажирское сидение и пристегнув ремень безопасности, предупреждает кого-то Крест по громкой связи, я же отстраненно слежу за тем, как грациозно черный «Мерс» трогается с места. И отчего-то немного скучаю по кажущимся невероятно далекими временам, когда Крестовский водил ярко-оранжевый «Марковник», много улыбался и редко морщил лоб, играючи решая любые проблемы.

Чуть больше пяти лет назад

– Как тебя зовут?

– Лиля.

Я выталкиваю, едва ворочая онемевшим языком, и пытаюсь сквозь пелену слез рассмотреть лицо своего спасителя. Не выходит. Картинка по-прежнему остается размытой и нечеткой, и единственное, что я могу различить – это вдумчивые серо-голубые глаза, обрамленные частоколом чернильно-черных ресниц.

– Садись в машину. Ты продрогла.

Новый знакомый помогает мне просунуть руки в рукава его огромной куртки, пропахшей тяжелым горько-сладким парфюмом и табаком, распахивает дверь урчащего автомобиля и надавливает на плечи, вынуждая нырнуть в салон.

Он резко бьет по газам, не называет своего имени и не озвучивает дальнейший план действий. Только мне все равно спокойно, как будто добрый доктор вколол ударную дозу успокоительного, или кто-то предусмотрительный отключил во мне инстинкт самосохранения.

А, может, это захлестывают последствия пережитого ужаса, обрушивается психологический шок, и я просто-напросто не могу больше переживать.

– Приехали, Лиль. Выходи.

Умотавшись на смене и истратив уйму ресурсов в стычке с хулиганами, я проваливаюсь в благодатную дремоту и с трудом разлепляю налившиеся свинцом веки, когда тихий бархатный голос начинает ласкать слух. Хватаюсь за протянутую мне крепкую руку, как за спасательный круг, и вы-

скальзывают из автомобиля на мощную дорожку.

– Спасибо за печку. Я согрелась.

Я не озираюсь по сторонам, не сужу о благосостоянии выручившего меня парня по огромному двухэтажному дому, который завтра будет казаться мне самым настоящим дворцом на фоне моей скромной крохотной комнаты. И, как на привязи, иду за своим спутником, не задав ни единого вопроса.

Мешкаюсь, стаскивая убогие старенькие кеды, и никак не хочу расставаться с дарующей тепло чужой курткой. Разрешаю себе побыть слабой еще немного и послушно топаю в кухню, чтобы там забраться в мягкое бежевое кресло с ногами.

– Чай? Кофе?

– Чай. А потом вызовешь мне такси, пожалуйста? Не знаю, куда делся телефон...

– Никакого такси. Переночуешь сегодня у меня.

Совершенно невозмутимо выдает парень, засыпая заварку в заварочник, а у меня от этих его снисходительных интонаций возвращается бодрость и предохранители летят.

– Слушай, как там тебя. Я безмерно благодарна за спасение, но если ты думаешь...

– Игнат. Крестовский Игнат. Сейчас поздно, ты устала и не отошла от шока. А у нас на втором этаже гостевая спальня. И если ты считаешь, что я избавил тебя от тех придурков и притащил сюда, чтобы приставать к трясущейся

щейся от страха девочке...

От весомых аргументов и сжимающихся в тонкую полоску губ повернувшегося ко мне парня становится стыдно. Кровь приливает к щекам, язык прилипает к нёбу, и до одури хочется повернуть время вспять и все переиграть.

– Прости. Я так не считаю. Просто слишком много сегодня произошло, и я никак не могу прийти в себя. Спасибо тебе за все.

– Пей.

Проигнорировав мои жалкие извинения, Игнат впихивает мне в руки кружку, и я поспешно хлебаю горячий липовый чай вприкуску с зефиром. Предпринимаю провальную попытку помочь с посудой и робко поднимаюсь за Крестовским по лестнице, чтобы нырнуть во вторую дверь справа и застыть в паре метров от огромной двуспальной кровати.

– Сумка твоя у меня в машине. Завтра принесу. Ложись спи.

Выудив из шкафа новенькую теплую пижаму, резковато произносит Игнат, а я поддаюсь порыву, делаю несколько шагов к нему и цепляю за запястье. Привстаю на цыпочки и едва уловимо касаюсь губами небритой щеки, вкладывая в этот осторожный беглый поцелуй всю свою признательность.

А наутро за приготовлением омлета и гренок меня застаёт Крестовская Марина Борисовна, окатывает пренебрежительным неприязненным взглядом и не оставляет и

тени сомнений в том, что мне рядом с ее сыном не место.

Глава 9

Игнат

Тихо так. Спокойно. Что даже странно.

Я ждал от Лили категоричного отказа. Готовился сыпать солидными доводами, рассчитывать на бумажке потенциальную прибыль, убеждать Аристову до посинения. Она же снова меня удивила, на этот раз своим безропотным согласием.

И теперь молчаливо сидит, вжавшись лопатками в обшивку сидения, и что-то выводит подушечками пальцев на стекле. Я же исподволь изучаю ее тонкую персиковую блузку с воздушными рукавами, залипаю на острых ключицах, виднеющихся в треугольном вырезе, и попутно удивляюсь, как Лили умудряется нормально ходить в узкой юбке-карандаше, обтягивающей все ее выпуклости и изгибы.

На пару минут я забываю о разделивших нас когда-то противоречиях и застарелой обиде и просто любуюсь красивой девушкой с небольшим, но динамично развивающимся агентством и чудной дочкой. Дочкой...

– Ты обедала?

– Нет, не успела.

– Отлично. Значит, здесь перекусим.

Прервав поток мыслей, свернувших не туда, я плавно

втискиваю автомобиль в освобождающееся место, помогаю Аристовой выйти и галантно распахиваю перед ней дверь. А уже в следующую секунду нас едва не сбивает с ног мчащийся куда-то без оглядки парень в бордовой толстовке и спортивных черных штанах с полосками сбоку.

И мне не остается ничего другого, кроме как крепко схватить Лилю и вжать ее в себя, чтобы она не распласталась по полу.

Черный перец. Жасмин. Корица.

Снова башню рвет от въедающегося в кожу запаха. Каждую клеточку легких заполняет. Замираю, еще ближе подтаскивая Аристову к своему телу, и почти уже не отдаю себе отчет, перемещая ладонь на плоский живот. Да и она плывет. Дышит тяжело и часто. Вздрагивает.

Крутое пике. Турбулентность гребанная. Катастрофа.

– Игнат, отпусти. Хватит. Люди смотрят.

Полузадушено сипит Лиля, а я после продолжительной паузы все-таки расцепляю руки. И вовсе не из-за шушукающих посетителей кофейни, а из-за заметившего наше ферическое появление отца.

– Здорово, бать.

– Добрый день, Дмитрий Алексеевич.

Со сбитым к чертям дыханием, пунцовая, как мак, Аристова бесшумно опускается на выдвинутый стул и снова дергается, когда я ненароком задеваю ее предплечье. Посылает какие-то сигналы пальцами, транслирует что-то пухлыми

губами, а я невозмутимо сажусь рядом, как будто ничего не происходит.

Отстраненно листаю изученное до корки меню и впитываю до последней капли чужое смущение, с трудом подавляя вспыхивающее внутри желание.

– Отлично выглядишь, Лиля. Совсем не изменилась.

– Спасибо, Дмитрий Алексеевич.

Коротко кивнув, Аристова сдержанно реагирует на комплимент родителя, а я отчего-то хочу разбудить в ней лютую бурю. В очередной раз нарушаю воображаемые границы, ловлю ее ладонь и мучительно медленно обвожу извилистую линию жизни. Или любви? Кто разберет.

– Мы здесь для того, чтобы обсудить детали контракта, так ведь? Приступим?

После нескольких тщетных попыток избавиться от моих прикосновений, Лиля пробует перевести беседу в деловое русло, но и здесь терпит поражение, натываясь на мягкую улыбку моего отца и внезапный вопрос.

– Успеется. Расскажи лучше, как у тебя дела? Надолго в Москву? Чем занимаешься?

– Все, в общем-то, в порядке. Переезжать пока не планирую. Организую корпоративы, дни рождения, свадьбы.

Диалог льется, на удивление, легко, Аристова постепенно отпускает вожжи контроля и расслабляется. С энтузиазмом рассказывает о буднях в агентстве и коллегах, новой квартире и последней развивайке, которую она купила для дочери.

Позволяет мне таскать из ее греческого салата сыр фета и залиvisto смеется над батиными несмешными шутками, игриво накручивая на палец золотистую прядь.

И я никак не могу понять, почему спустя пару мгновений она резко мрачнеет и превращается в самый настоящий ледяной айсберг, тщательно застегивая пуговицы на блузе. Не могу, пока не оборачиваюсь и не сталкиваюсь взглядом с фланирующей вдоль прохода Викой.

Сейчас она должна была корячиться на своем пилатесе, но, судя по всему, нашла занятие куда как интереснее.

– Привет, милый. Здравствуйте, Дмитрий Алексеевич.

Поравнявшись с нашим столиком, Левина взбивает завитые в парикмахерской озорные кудряшки и мило щебечет, скользя ладонями по юбке воздушного сиреневого сарафана. Отец не слишком довольно кривится, как будто только что съел дольку лимона, да и я не спешу представлять новое действующее лицо. Только вот почтившая нас своим присутствием активистка, спортсменка и просто красавица берет инициативу в свои руки и обращается к закаменевшей Лиле.

– Виктория Левина. Невеста Игната. А вы?

Обозначив свой статус, Вика не дожидается ответа и с торжествующим видом располагается аккуратно напротив меня. Явно гордясь наклепленным ярлыком и не испытывая ни грамма дискомфорта от бесцеремонного вмешательства в чужую беседу.

– Аристова Лилия. Руководитель ивент-агентства, кото-

рое ваш жених нанял для открытия салона «Кросс-Групп». Очень приятно.

Справившись с первой неловкостью, достаточно твёрдо роняет моя бывшая любовь-боль и на автомате тянется к стакану с водой. И даже почти не дергается, когда случайно задевает мою ладонь своими прохладными тонкими пальцами. Делает несколько размеренных глотков и невозмутимо возвращает емкость обратно, пока я подмечаю произошедшие в ней изменения.

Гордая. Уверенная в себе. Гармоничная.

Сейчас ее гораздо труднее вывести из равновесия или ранить.

– Взаимно, – любезно кивнув, Левина зарывается в меню и старательно строит из себя невинного ангела, излучая робкую полуулыбку и то и дело поправляя юбку сарафана.

Только от былой беззаботной лёгкости все равно не остаётся следа. С появлением Вики за нашим столиком темы для разговора исчерпаны: отец не будет больше расспрашивать несостоящуюся невестку о личном, Аристова не станет обсуждать условия контракта при постороннем человеке.

Патовая, в общем-то, ситуация, в которой мы поглощаем пищу в не слишком уютной тишине.

– Лиля, заеду к тебе завтра в офис ближе к двум, если выкроишь для меня время.

– Обязательно выкрою, Дмитрий Алексеевич.

– Спасибо за обед, дети. До встречи.

Обменявшись красноречивыми взглядами с Аристовой, отец отставляет тарелку в сторону и поднимается на ноги. Адресует последнюю реплику нам троим, после чего круто разворачивается и размашистым шагом бороздит проход.

Целеустремлённый, полный энергии, он напоминает величавый ледокол и вызывает искреннее восхищение. Я за день не успеваю сделать столько, сколько он умудряется перелопатить за несколько жалких часов.

Робот, не иначе. Машина по решению конфликтных ситуаций и умножению капитала.

– Лилия, если судить по аккаунту в соцсети, в вашем агентстве работают профессионалы. Верно?

Осмелев с исчезновением бати, Вика переключается на Лилю, неторопливо цедящую теперь уже гранатовый сок, а у меня липкое предчувствие ползет вдоль позвоночника, опутывая мерзкой паутиной внутренние органы.

– Да, это так.

– Тогда объясните, пожалуйста, как случилось, что на открытии салона оказался главный конкурент Игната?

Совсем не беспочвенные опасения мгновенно оправдываются и вынуждают сжать руки в кулаки. Слова летят в Аристову отравленными дротиками, а мне хочется машинально растереть грудь и передать вздрогнувшей рядом со мной девочке щит. Потому что я знаю, что она до сих пор корит себя за допущенный просчет.

– Не лезь, Вика. В произошедшем нет ни Лилиной вины,

ни вины ее персонала. Это мой косяк!

Не могу толком объяснить почему, но взрываюсь, как сот-ни подожженных петард. Бахаю кулаком по столешнице, от-чего со звоном подпрыгивает посуда и падает обратно. Горю праведным гневом, хоть не так давно сам приписывал Ари-стовой лишние грехи, и через изломанную призму вижу в собственной невесте врага.

Многое готов на кон положить, чтобы стереть с Лилиного лица едкую досаду, только мое запоздалое заступничество ничего не меняет. Серые омуты подергиваются коркой льда, трепыхается жилка на изящной шее рядом с ключицей.

– Виктория права, Игнат Дмитриевич. Мы должны были досконально все проверить и исключить подобную вероят-ность.

Мотнув головой, с чувством выпаливает Лиля, сглатывает беззащитно и пытается пододвинуть купюру достоинством в пять тысяч, намекая на то, что для неё обед завершён.

– Не нужно, – всовываю банкноты обратно в ее пальцы. Злюсь. – Тебя отвезти?

– Не стоит.

– Ты без машины.

– Муж заберёт.

Поправив блузу, Аристова снова прочерчивает между на-ми жирную границу и подбородком указывает на притих-шую Левину.

Её отвози.

Разделившие трапезу на «до» и «после» слова до сих пор звенят рефреном в пустой черепушке, слабый аромат корицы и жасмина, витающий в воздухе, щекочет ноздри, а я тупо пялюсь на ровную Лилькину спину. Мысленно обвожу выпирающие острые ключицы, наматываю платиновые волосы на кулак и никак не могу сконцентрироваться на мелодичной Викиной болтовне.

На подлете к ушной раковине слоги рассыпаются на невнятные звуки, оседают бесполезной серой массой на пол и абсолютно не хотят превращаться в стройные предложения, имеющие хоть какую-нибудь ценность.

Никогда Штирлиц еще не был так близок к провалу...

– Что?

– Ты совсем меня не слушаешь, Игнат.

Жалобно всхлипнув, Левина всплескивает ладонями и вцепляется в скатерть, комкая ни в чем неповинную ткань. С усердием кусает тронутые нежно-розовым блеском губы и гулко втягивает кислород, глотая набежавшие слезы так, что я чувствую себя полным уродом.

Все-таки Вика – моя невеста, Лиля – чужая жена, а не наоборот.

– Прости, солнц. Я не нарочно.

Прикрыв веки, я приглушенно выдыхаю и выдавливаю из себя далекие от искренних извинения. Пытаюсь спасти испорченный в хлам обед, только быстро расписываюсь в собственной несостоятельности.

Предметы вокруг тускнеют и будто бы покрываются толстым слоем пыли. Казавшиеся шедевром блюда в одну секунду теряют свой вкус, а сладковатые Викины духи не вызывают ничего, кроме крепнущего желания посоветовать ей сменить парфюм.

– Так что ты там говорила?

– У Инги день рождения, мы приглашены. Не планирую ничего в четверг на следующей неделе, ладно?

– Хорошо.

Согласившись больше для проформы, я ловлю счастливый блеск янтарно-карих глаз и никак не могу пропитаться чужой заразной радостью. Поэтому отстраненно веду плечами, подзываю официантку и без лишних эмоций расплачиваюсь по счету. После чего выдвигаю стул, помогая Левиной подняться, и по-джентльменски придерживаю дверь, как совсем недавно перед Аристовой.

– А у меня, кстати, во вторник пары отменили из-за какой-то международной конференции. Может, съездим к моим на дачу?

– Не получится. Через месяц еще один салон открывать, дел выше крыши. Да и отцу с кофейней надо помочь.

Обрубаю Викины несмелые поползновения на корню и втайне надеюсь, что вот сейчас ее терпение перельется через край, и она устроит грандиозный скандал. Будет стучать своими высокими каблуками по днищу, обвинит меня в оскорбительном игноре и ткнет острым ногтем с безупречным ма-

никюром мне в грудь.

Доломает последнюю призрачную крупицу терпения, перепутает клеммы и позволит, наконец, выпустить наружу закручивающиеся в черной воронке деструктивные эмоции.

– Ничего страшного. В другой раз.

Понимающе качнув головой, покорно роняет моя идеальная до зубовного скрежета невеста и принимается поправлять безупречный макияж, пока я грубо жму на педаль газа и агрессивно срываюсь с места, не в силах совладать с разливающейся по венам досадой.

Адреналин копится тугим комком за грудиной и требует выплеска. Только вот моя теперешняя спутница вряд ли вывезет этот губительный взрыв.

Чуть больше пяти лет назад

– Ну же, Коваль, возьми трубку!

Как клинический идиот, я в шестой раз набираю забитый в памяти телефона номер, слушаю длинные гудки и пялюсь в экран, как будто там могут высветиться ответы на интересующие меня вопросы.

Где носит зацепившую до глубины души девчонку? Чем она сейчас занимается? Ела вообще хоть что-то с утра?

Она сходила со мной на пару свиданий, запомнилась любовью к творчеству Цоя, пристрастием к кофе всех видов и мастей, а еще – головокружительным поцелуем, от кото-

рого кровь кипела еще два дня, а руки чесались связать непослушную занозу и запереть на целую неделю у себя в спальне.

И я бы обязательно претворил эти коварные планы в жизнь, если бы Лиля не растворилась в неизвестном направлении, подобно предрассветной туманной дымке.

С прежнего места работы она уволилась, новых контактов не оставила и без сожаления оборвала все нити, отсекая вместе с ними меня. Что неимоверно бесило и вынуждало с особым остервенением драться на ринге и без видимых причин кидаться на одноклассников.

– Ну, что, Крест, будешь должен.

– Говори.

Звонок от лучшего друга застает меня в ванной, где я под ледяной водой пытаюсь избавиться от навязчивых мыслей о вымотавшей все нервы блондинке. Вытаскивает на мягкий бежевый коврик, вынуждает наскоро обтереться и буквально запрыгнуть в мятую футболку и джинсы, в беспорядке валяющиеся прямо на полу в коридоре.

– Твоя в «Нуаре» зажигает.

В клуб с мрачным названием и фиолетово-розовым неоновым освещением я добираться в рекордно короткие сроки, пару раз выскакивая на встречу и подрезая возмущенно сигнализирующих мне водил. Бросаю «Марковник» поперек парковки и с совершенно недвусмысленными намерениями иду искать Лилю, протискиваясь между извивающимися под модные биты людьми.

А уже в следующий миг вспыхиваю от всепоглощающей ревности, застав Коваль в компании подружки и двух прилизанных мажоров, одетых с иголки и явно пускающих вчерашним провинциалкам пыль в глаза.

– Ничего сказать мне не хочешь?

Кровавый туман в башке. Привкус полыни на языке. Десять секунд до детонации.

– Не хочу.

Ухмыляется. Обхватывает тонкими пальцами изящный фужер. Подносит к губам. Делает пару глотков голубоватой жидкости. Пять секунд до необратимости.

– Уверена?

Высвистываю вопрос сквозь зубы. Недобро щурюсь. Секунда до взрыва.

– Да.

Вместе с ее твердым уверенным «да» лопаются к хренам мое самообладание, попутно сшибая на кафель смазливую блондина и стаскивая со стула слегка удивленную Лилю.

Сквозь танцующую толпу. К служебному выходу для персонала. В темный коридор с одиноко мигающей лампочкой.

– Что за гребанные игры в кошки-мышки ты устроила, Коваль?!

Ору так, что у самого гудят барабанные перепонки. Вжимаю девчонку своим телом в стену и сам не могу объяснить, отчего так разворотило башню. Как будто все рациональное ушло, оголив ни разу не безопасные первобытные

инстинкты.

– Оставь меня, Игнат, а! Свали!

– Да черта с два! Пока ты мне все не объяснишь.

– Что тебе объяснить? Что мы друг другу не подходим?! Что я простая официантка, едва зарабатывающая на жизнь в Москве, а ты «золотой мальчик»? Твои родители никогда меня не примут! Не то воспитание, не то образование, порода не та! Зачем вообще начинать? Да я тебя старше на пять лет, в конце концов!

Дернувшись, яростно выпаливает Лиля, и теперь неконтролируемая дрожь долбит нас обоих. Пускает по телу убийственный ток. Выворачивает наизнанку. А еще подталкивает друг к другу, несмотря на только что озвученные Коваль «против-нельзя-не работает».

– Наплевать!

Ору на максималках, хоть в помещении полнейшая тишина. Подаюсь вперед, грубо надавливаю на Лилин затылок и жадно впиваюсь в ее приоткрытый манящий рот. Как будто сто лет соблюдал целибат. Как будто умру, если не поцелую ее сейчас и не смешаю наши прерывистые дыхания в единое целое.

Кожа к коже. Изгиб к изгибу. Идеально подходящий к замку ключ.

– Не надо, Игнат...

Как типичная девушка, Коваль говорит одно, а действиями демонстрирует противоположное. Вгрызается зубами

в мою ключицу, отодвигает край футболки и воюет с ремнем, растягивая пряжку и взвинчивая градус напряжения до предела.

Дикая. С горящими серыми омутами. Такая настоящая и такая моя, что в это мгновение мне нет дела до остального мира, даже если на него обрушится смертоносный астероид.

Все равно. Только бы не выпускать Лилю из рук и вечно слушать ее сиплое чувственное «Игнат»...

Глава 10

Лиля

– Да встаю я. Встаю.

Мрачно нахмурившись, я гаркаю на разрывающийся на тумбочке будильник и нехотя вытаскиваю свое вялое тело из постели. Всовываю ступни в мягкие пушистые тапочки бледно-розового цвета, запахиваю полы длинного атласного халата, приглаживаю спутанные волосы, напоминающие воронье гнездо.

Веки норовят слипнуться, конечности будто налиты свинцом, скулы сводит от непрекращающейся зевоты. А все потому что целую ночь во сне меня преследовала Левина, по новой выплескивая прозвучавшие за вчерашним обедом обвинения. А вторил ей небезызвестный Алексей Бекетов, по каким-то причинам облачившийся в костюм Джека Воробья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.